

ИМЕНЕМ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
Р Е Ш Е Н И Е
КОНСТИТУЦИОННОЙ ПАЛАТЫ ВЕРХОВНОГО СУДА
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

по делу о проверке конституционности пункта 2 части 1 статьи 29

Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики в связи с
обращением Толоева Болотбека Мырзабековича и его представителя Жунусова
Жамангула Мусталипаевича

7 октября 2014 года

город Бишкек

Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики в составе: председательствующего - судьи Касымалиева М. Ш., судей Айдарбековой Ч. А., Бобукеевой М. Р., Мамырова Э. Т., Нарынбековой А. О., Осконбаева Э. Ж., Осмоновой Ч. О., Сооронкуловой К. С., при секретаре Илиязовой Н. А., с участием:

- обращающейся стороны - гражданина Толоева Б. М. и его представителя по доверенности Жунусова Ж. М.;

- стороны-ответчика – Урумкалиевой Ч. Ч, представляющей интересы Жогорку Кенеша Кыргызской Республики по доверенности,

руководствуясь частями 1, 6 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 1, 4, 18, 19, 24, 37, 42 конституционного Закона Кыргызской Республики «О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики», рассмотрела в открытом судебном заседании дело о проверке конституционности нормативного положения пункта 2 части 1 статьи 29 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, изложенного

словами «...кроме уголовных дел о преступлении, предусмотренном частью третьей статьи 281 Уголовного кодекса Кыргызской Республики, совершенном виновными лицами в состоянии алкогольного, наркотического или иного опьянения; о преступлениях, предусмотренных статьями 224, 225, 303-315 Уголовного кодекса Кыргызской Республики».

Поводом к рассмотрению данного дела явилось ходатайство Толоева Б. М. и его представителя Жунусова Ж. М.

Основанием к рассмотрению данного дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Кыргызской Республики нормативное положение пункта 2 части 1 статьи 29 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, изложенного словами «...кроме уголовных дел о преступлении, предусмотренном частью третьей статьи 281 Уголовного кодекса Кыргызской Республики, совершенном виновными лицами в состоянии алкогольного, наркотического или иного опьянения; о преступлениях, предусмотренных статьями 224, 225, 303-315 Уголовного кодекса Кыргызской Республики».

Заслушав выступление судьи-докладчика Нарынбековой А. О., проводившей подготовку дела к судебному заседанию, и исследовав представленные материалы, Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики

У С Т А Н О В И Л А:

В Конституционную палату Верховного суда Кыргызской Республики (далее - Конституционная палата) 31 января 2014 года поступило ходатайство Толоева Б. М. и его представителя по доверенности Жунусова Ж. М. о признании нормативного положения пункта 2 части 1 статьи 29 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, изложенного словами «...кроме уголовных дел о преступлении, предусмотренном частью третьей статьи 281 Уголовного кодекса Кыргызской Республики, совершенном виновными лицами в состоянии алкогольного, наркотического или иного

опьянения; о преступлениях, предусмотренных статьями 224, 225, 303-315 Уголовного кодекса Кыргызской Республики», и части 6 статьи 2 Закона Кыргызской Республики «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики» от 10 августа 2012 года № 164 противоречащими частям 1, 2, 3 статьи 16 Конституции Кыргызской Республики.

По мнению заявителя, оспариваемая норма нарушает предусмотренное Конституцией Кыргызской Республики положение о равенстве всех перед законом и судом (часть 3 статьи 16) и дает возможность дискриминации в уголовном судопроизводстве граждан по должностному положению, в частности по должностным преступлениям, что противоречит части 2 статьи 16 Конституции Кыргызской Республики.

Заявитель считает, что оспариваемый пункт 2 части 1 статьи 29 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики позволяет прекратить уголовное дело в отношении лица, совершившего убийство или нанесшего телесные повреждения в состоянии невменяемости. Однако преступление небольшой тяжести, возможно совершенное по неосторожности должностным лицом, не подлежит прекращению, что, по мнению заявителя, является дискриминацией должностных лиц при возбуждении и расследовании уголовных дел.

Определением коллегии судей Конституционной палаты от 7 марта 2014 года ходатайство заявителя было принято к производству.

В ходе судебного заседания Толоев Б. М., и его представитель Жунусов Ж. М. уменьшили объем своих требований и просили исключить из ранее заявленного ходатайства статьи 224, 225, 281, 303 Уголовного кодекса Кыргызской Республики.

Представитель стороны – ответчика Урумкалиева Ч. Ч. не согласилась с доводами обращающейся стороны и считает, что оспариваемые нормы законов не противоречат Конституции Кыргызской Республики.

Конституционная палата, обсудив доводы сторон, исследовав материалы дела, пришла к следующим выводам:

1. В соответствии с частью 4 статьи 19 конституционного Закона Кыргызской Республики «О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики» Конституционная палата выносит акты по предмету, затронутому в обращении, лишь в отношении той части нормативного правового акта, конституционность которой подвергается сомнению.

Учитывая, что изменения и дополнения в Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики, вносимые частью 6 статьи 2 Закона Кыргызской Республики «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики» от 10 августа 2012 года № 164, становятся его органической частью и должны восприниматься как единое целое. В связи с чем, предметом рассмотрения Конституционной палаты по данному делу является нормативное положение пункта 2 части 1 статьи 29 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, предусматривающее прекращение уголовных дел с освобождением от уголовной ответственности, если лицо перестало быть общественно опасным, кроме уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 304-315 Уголовного кодекса Кыргызской Республики.

Статья 29 «Прекращение уголовного дела с освобождением от уголовной ответственности Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики гласит:

«(1) В соответствии с нормами статей 65 и 66 Уголовного кодекса Кыргызской Республики суд (судья), прокурор, а также следователь с согласия прокурора прекращает уголовное дело с освобождением лица от уголовной ответственности:

2) если лицо перестало быть общественно опасным, кроме уголовных дел о преступлении, предусмотренном частью 3 статьи 281 Уголовного кодекса Кыргызской Республики, совершенном виновными лицами в состоянии алкогольного, наркотического или иного опьянения; о преступлениях,

предусмотренных статьями 224, 225, 303-315 Уголовного кодекса Кыргызской Республики».

Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 30 июня 1999 года № 62 введен в действие Законом «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики» от 30 июня 1999 года № 63, опубликован в газете «Эркин Тоо» от 21 июля 1999 года № 59-60-61-62, принят в порядке, установленном законодательством, внесен в Государственный реестр нормативных правовых актов Кыргызской Республики и является действующим.

2. Конституционное положение о равенстве всех перед законом и судом (часть 3 статьи 16) является одним из фундаментальных начал правового государства. Данное конституционное положение полностью соответствует международным правовым нормам, включая статью 7 Всеобщей декларации прав человека, статью 7 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, статью 14 и часть 2 статьи 20 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Конституционный принцип равенства всех перед законом должен пониматься прежде всего как требование антидискриминационного характера, предполагающее недопустимость установления в законе какого-либо различия, исключения или предпочтения, основанного на признаках пола, расы, языка, инвалидности, этнической принадлежности, возраста, вероисповедания, политических и иных убеждений, образования, происхождения, имущественного или иного положения, а также иных обстоятельств, ведущих к нарушению равенства правовых возможностей человека и гражданина в различных сферах его общественной и личной жизни. При этом допускаемые законодателем ограничения принципа равенства всех перед законом должны быть правомерными и соразмерными общезначимым конституционным целям, указанным в части 2 статьи 20 Конституции Кыргызской Республики.

В уголовном праве этот принцип означает равенство всех перед уголовным законом, равное право всех пострадавших от преступлений лиц на уголовно-

правовую защиту, а также равенство оснований уголовной ответственности для субъектов преступления. Юридическим основанием установления равной обязанности лиц, привлекаемых к уголовной ответственности претерпевать негативные последствия совершения общественно опасных деяний выступает состав преступления, закрепленный в уголовном законодательстве.

Принцип равенства граждан не может рассматриваться изолированно от иных принципов уголовного закона и применяется, прежде всего, в диалектической связи с уголовно-правовыми принципами справедливости и гуманизма. Сочетание принципов равенства и справедливости предполагает законодательную дифференциацию преступных деяний и уголовной ответственности, уголовный закон в соответствии с данными принципами должен быть эффективен, криминологически и социально обоснован. Кроме того, принципы равенства и справедливости направлены на индивидуализацию уголовно-правового воздействия, в связи с чем Уголовный кодекс Кыргызской Республики обязывает учитывать характер и степень общественной опасности совершенного преступления, обстоятельства его совершения, свойства личности и иные факторы.

В этом же аспекте реализуется и принцип гуманизма, предписывающий учитывать определенные свойства личности преступника. Проявлениями гуманизма выступают особенности уголовной ответственности несовершеннолетних, особенности назначения наказания женщинам и др.

3. Дифференциация уголовной ответственности является дискрецией законодателя, посредством которого устанавливаются общие и специальные правила освобождения от уголовной ответственности. Общее правило освобождения от уголовной ответственности установлено статьей 65 Уголовного кодекса Кыргызской Республики.

Освобождение от уголовной ответственности есть отказ государственных органов, осуществляющих уголовное преследование, от дальнейшего производства по уголовному делу, если факт совершения преступления доказан. Уголовное дело при этом прекращается без применения к лицу каких-

либо уголовных мер. Освобождение от уголовной ответственности, регулируемое статьей 65 Уголовного кодекса Кыргызской Республики, связано с совершением преступлений небольшой тяжести или менее тяжких преступлений. Таким образом, прослеживается связь данного уголовно-правового института с категоризацией преступлений. Следовательно, разделение преступлений на категории, в зависимости от характера и степени общественной опасности, является важнейшим средством дифференциации уголовной ответственности.

Освобождение от уголовной ответственности есть отказ государственных органов, осуществляющих уголовное преследование, от дальнейшего производства по уголовному делу, если факт совершения преступления доказан. Уголовное дело при этом прекращается без применения к лицу каких-либо уголовных мер. Освобождение от уголовной ответственности, регулируемое статьей 65 Уголовного кодекса Кыргызской Республики, связано с совершением преступлений небольшой тяжести или менее тяжких преступлений. Таким образом, прослеживается связь данного уголовно-правового института с категоризацией преступлений. Следовательно, разделение преступлений на категории, в зависимости от характера и степени общественной опасности, является важнейшим средством дифференциации уголовной ответственности.

При этом освобождение от уголовной ответственности не означает признания, что в содеянном отсутствует состав преступления или что лицо, совершившее преступление, является невиновным. Правовая сущность освобождения от уголовной ответственности заключается в нецелесообразности привлечения лица к уголовной ответственности, которая определяется возможностью достижения иного более важного результата, индивидуального для каждого конкретного случая, и способы его достижения конкретизируются достаточной совокупностью условий освобождения от уголовной ответственности в каждом конкретном случае.

Законодатель, в зависимости от направления уголовной политики государства на том или ином этапе его развития, вправе определять и изменять общие и специальные основания освобождения от уголовной ответственности, а также устанавливать исключения из этих правил, каковым является оспариваемое на предмет конституционности нормативное положение пункта 2 части 1 статьи 29 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики.

Доводы заявителя о том, что оспариваемая норма Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики является дискриминационной, так как нарушает конституционный принцип равенства всех перед законом и судом, являются несостоятельными. В соответствии со спецификой принципа равенства всех перед уголовным законом, освобождение от уголовной ответственности не может рассматриваться как субъективное право лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Напротив, каждое лицо, совершившее преступление обязано претерпеть меры уголовно-правового воздействия.

При этом положение статьи 29 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики устанавливает конкретный перечень преступлений, предусмотренных рядом статей Уголовного кодекса Кыргызской Республики, совершение которых означает невозможность прекращения уголовного дела в отношении субъектов, совершивших указанные преступления, с освобождением от уголовной ответственности. Данное нормативное положение Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики основано на сущности категорий преступлений, а также статусе субъектов их совершивших. Так, оспариваемые статьи (ст.304-315) относятся к главе 30 «Должностные преступления» Уголовного кодекса Кыргызской Республики. Таким образом, исключения, предусмотренные оспариваемым положением, в основном связаны со статусом субъектов, совершивших указанные преступления. В частности, это относится к должностным лицам государственных органов и органов местного самоуправления, а также другим служащим указанных органов.

Особенностью группы должностных преступлений является то, что подавляющее большинство из них совершается специальными субъектами (должностными лицами, лицами, занимающими государственные и муниципальные должности) и обладающие значительно большим кругом прав и полномочий по отношению к другим гражданам, следовательно, совершенные ими преступления способны причинить существенный вред общественным отношениям. Общественная опасность этих преступлений состоит в том, что в результате их совершения серьезно нарушается нормальная деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, Вооруженных Сил и воинских формирований страны, ущемляются права и законные интересы граждан или организаций, а в целом – интересы общества и государства.

Отличительная черта должностных преступлений состоит в том, что, посягая на нормальное функционирование указанных органов и учреждений, они не только снижают их авторитет в обществе, но и подрывают у граждан уверенность в защищенности своих прав и законных интересов.

В результате совершения должностных преступлений наносится и значительный материальный ущерб физическим и юридическим лицам, нарушается нормальная деятельность органов государственной и муниципальной власти, происходит дискредитация власти в целом. В связи с чем, законодатель предусматривая исключения из общих правил освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные статьей 29 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, не вышел за рамки конституционных установлений о равенстве всех перед законом и судом.

На основании изложенного и руководствуясь пунктом 1 части 6, частями 8, 9 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 46, 47, 48, 51, 52 конституционного Закона «О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики», Конституционная палата

Р Е Ш И Л А:

1. Признать нормативное положение пункта 2 части 1 статьи 29 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, предусматривающее прекращение уголовных дел с освобождением от уголовной ответственности, если лицо перестало быть общественно опасным, кроме уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 304-315 Уголовного кодекса Кыргызской Республики, не противоречащим частям 1, 2, 3 статьи 16 Конституции Кыргызской Республики в той мере, в какой оно применяется в отношении субъектов преступления, являющихся государственными и муниципальными служащими, в том числе должностными лицами государственных органов и органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, а также Вооруженных Сил Кыргызской Республики и иных воинских формирований.

2. Решение окончательное и обжалованию не подлежит, вступает в силу с момента провозглашения.

3. Решение обязательно для всех государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, общественных объединений, юридических и физических лиц и подлежит исполнению на всей территории Кыргызской Республики.

4. Опубликовать настоящее решение в официальных изданиях органов государственной власти, на официальном сайте Конституционной палаты и в «Вестнике Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики».

КОНСТИТУЦИОННАЯ ПАЛАТА ВЕРХОВНОГО СУДА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

По данному делу имеется особое мнение судей Осмонбаева Э.Ж. и Сооронкуловой К.С.

Особое мнение

судей Осконбаева Э.Ж. и Сооронкуловой К.С.

к Решению Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики по делу о проверке конституционности нормативного положения пункта 2 части 1 статьи 29 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики в связи с обращением Толоева Болотбека Мырзабековича

1. Базовым принципом правосудия является неотвратимость ответственности для любого лица, совершившего предусмотренное уголовным законом преступное деяние. Вместе с тем, исходя из того, что правовом государстве уголовная ответственность является не самоцелью, а средством исправления лиц, совершивших преступные действия и превентивного воздействия на других граждан, законодатель допускает возможность применения к виновному альтернативных методов воздействия, не связанных с реализацией мер уголовной ответственности и стремится дифференцированно подходить к достижению целей наказания. Одной из форм такого дифференцированного подхода является освобождение от уголовной ответственности. Основания освобождения от уголовной ответственности как одно из средств дифференциации должны применяться в строгом соответствии с законом.

2. В уголовном кодексе нормы, посвященные освобождению от уголовной ответственности, выделены в самостоятельную главу (глава 11). Освобождению от уголовной ответственности присуща особая процессуальная форма, регулируемая нормами уголовно-процессуального законодательства. Она заключается в прекращении уголовного дела на стадиях предварительного расследования или судебного разбирательства. (статья 29 УПК). Право принятия решения об освобождении от уголовной ответственности принадлежит суду, прокурору, а также следователю с согласия прокурора.

Таким образом, освобождение от уголовной ответственности означает выражение в акте компетентного государственного органа решения освободить лицо, совершившее уголовно наказуемое деяние от обязанности подвергнуться судебному осуждению.

Основания освобождения от уголовной ответственности, устанавливаемые оспариваемой на предмет конституционности статьей 29 УПК в системной связи со статьей 65 УК являются общими, и распространяются на все составы преступлений, предусмотренных Особенной частью УК, кроме уголовных дел о преступлении, предусмотренном частью третьей статьи 281 УК, совершенном виновными лицами в состоянии алкогольного, наркотического или иного опьянения; о преступлениях, предусмотренных статьями 224, 225, 303-315 УК.

Оспариваемое нормативное законоположение содержит следующий перечень оснований, при наличии которых суд, прокурор, а также следователь с согласия прокурора вправе принимать решение об освобождении лица от уголовной ответственности:

- а) преступление совершено впервые;
- б) преступление относится к категории небольшой тяжести и менее тяжким преступлениям;
- в) если лицо перестало быть общественно опасным.

Отсутствие любого из этих оснований исключает применение рассматриваемой нормы.

Напомним, что согласно статьи 10 УК к преступлениям небольшой тяжести относятся умышленные преступления, за которые максимальное наказание не превышает двух лет лишения свободы, а также неосторожные преступления, за которые максимальное наказание не превышает пяти лет лишения свободы, а к менее тяжким преступлениям,

согласно статьи 11 УК относятся умышленные преступления, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не свыше пяти лет, а также неосторожные преступления, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы свыше пяти лет.

Особого внимания в данном контексте заслуживает третье основание. Отсутствие законодательных критериев утраты лицом общественной опасности, порождает вопрос: какие данные необходимы для того, чтобы правоприменяющий орган пришел к убеждению, что лицо, виновное в совершении преступления утратило общественную опасность и цели уголовного закона могут быть достигнуты без привлечения его к уголовной ответственности. В отличие от первых двух третье основание сформулировано законодателем широко и абстрактно, что ведет к чрезвычайному расширению свободы усмотрения судьи, прокурора, следователя.

При определении степени общественной опасности личности преступника следственно-судебная практика исходит прежде всего из характера и тяжести совершенного преступления, а также обстоятельств, характеризующих поведение (личность) виновного до и после совершения преступления.

Под «утратой лицом общественной опасности» следует понимать такие изменения условий жизни или деятельности виновного, которые произошли как по его воле (например, переход на работу, не связанную с материальной ответственностью, переезд на новое место жительства и разрыв с антиобщественным окружением, излечение от алкоголизма и т. д.), так и помимо его воли (призыв на действительную военную службу, увольнение должностного лица, совершившего злоупотребление должностными полномочиями, безупречное поведение в течение длительного времени, несчастный случай или болезнь, приведшие к инвалидности или потере профессиональных навыков и т. д.). Иными словами, изменения в жизни виновного должны непременно устранять те наиболее существенные причины

и условия, которые способствовали совершению преступления именно этим лицом.

Следовательно, применение данного института возможно только тогда, когда с учетом обстоятельств конкретного деяния и личности подозреваемого либо обвиняемого суд, прокурор, следователь приходят к выводу о том, что прекращение уголовного дела не затрагивает охраняемые уголовным законом интересы граждан (а не только потерпевшего), общества и государства в целом. В противном случае освобождение от уголовной ответственности теряет социальный и правовой смысл, ведет к всепрощенчеству, либо целью его применения становятся коррупционные интересы.

Вполне закономерно, что в случае совершения преступления небольшой или средней тяжести лицом, не представляющим большой общественной опасности, либо вообще не опасным для общества, реализация института уголовной ответственности может оказаться нецелесообразной с точки зрения принципов справедливости и гуманности уголовного законодательства в целом.

Таким образом, из содержания и взаимосвязанного смысла статей 65 УК и 29 УПК следует, что в целом законодатель признает, что виновное в совершении преступления лицо может в силу определенных объективных и субъективных причин утратить общественную опасность и предполагает возможность освобождения его от уголовной ответственности.

4. Категоризация преступлений в зависимости от характера и степени общественной опасности, которые в соответствии со статьей 9 УК подразделяются на небольшой тяжести, менее тяжкие, тяжкие и особо тяжкие является основой дифференциации ответственности, ибо с принадлежностью конкретного преступления к той или иной категории связаны определенные уголовно-правовые последствия, в том числе и освобождение от уголовной

ответственности. Исходя из этого, лица впервые совершившие преступления небольшой тяжести и менее тяжкие преступления, относятся к одной категории преступников, и, следовательно, основания и порядок освобождения их от уголовной ответственности должны регулироваться одинаковым образом. Однако законодатель, регулируя процессуальный порядок применения статьи 65 УК, устанавливает исключение, лишаящее лиц, совершивших преступления, предусмотренные статьями 224, 225, 303-315 и частью 3 статьи 281 УК, возможности освобождения от уголовной ответственности даже при наличии оснований, предусмотренных статьей 65 УК. Следовательно, рассматриваемое законоположение допуская различие в правовом положении лиц, принадлежащих к одной и той же категории и находящихся в сходной ситуации, нарушает конституционный принцип равенства всех перед законом.

Более того, принцип юридического равенства предполагает не только равенство прав, но и обязанностей. Реализация принципа равенства предполагает не только равную обязанность предстать перед уголовным законом и подвергнуться предусмотренному в нем воздействию, но и равные возможности граждан на освобождение от уголовной ответственности при наличии соответствующих оснований и условий.

Конституционной палатой позиция законодателя в рассматриваемом вопросе оправдывается высокой степенью общественной опасности субъектов преступления, являющихся государственными и муниципальными служащими, в том числе должностными лицами государственных органов и органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, а также Вооруженных Сил Кыргызской Республики и иных воинских формирований. Следовательно, как вытекает из Решения, к указанным лицам, даже при наличии необходимых условий, не могут быть применены положения статьи 29 УПК, исходя из повышенной общественной опасности указанных лиц, производной из их особого статуса и занимаемого положения.

Между тем, степень общественной опасности лица оценивается правоприменителем самостоятельно, в соответствии с учтенными законодателем в санкции характером и типовой степенью общественной опасности преступления, исходя из субъективных и объективных особенностей совершения преступления.

В структуру общественной опасности посягательства не могут быть включены данные, характеризующие личность посягавшего. Что касается признаков, присущих субъекту преступления, то они, как правило, не входят в указанную структуру, поскольку ни возраст, ни пол, ни должностное положение лица, ни другие признаки специального субъекта сами по себе не представляют общественной опасности. В частности, опасность представляет не должностное положение лица, а посягательство должностного лица на социальные ценности с использованием своего служебного положения.

Таким образом, безотносительно к совершенному лицом конкретному преступному деянию, определить степень общественной опасности лица с правовой точки зрения представляется невозможным. Следовательно, доводы Конституционной палаты, оправдывающие введение такой законодательной меры, являются не только неубедительными, но и необоснованными с правовой точки зрения.

Более того, Конституционная палата признала конституционность проверяемого нормативного положения в той мере, в какой оно относится к определенной категории лиц, являющихся субъектами должностных преступлений, следовательно, данная норма не может применяться к лицам, в отношении которых возбуждены уголовные дела о преступлениях, предусмотренных частью третьей статьи 281 УК, совершенном виновными лицами в состоянии алкогольного, наркотического или иного опьянения, а также о преступлениях, предусмотренных статьями 224, 225 УК. В этом отношении правовая позиция Конституционной палаты, в соответствии с которой государственный или муниципальный служащий - субъект

преступления (например, предусмотренного статьей 309 УК) представляет повышенную общественную опасность по сравнению с лицом – субъектом преступления, предусмотренного частью 3 статьи 281 УК, совершенном в состоянии алкогольного, наркотического или иного опьянения, выглядит, по крайней мере, необоснованной с точки зрения повышенной опасности и тяжести последствий данного преступного деяния.¹

Анализ справки-обоснования к проекту Закона Кыргызской Республики от 30 июля 2013 года N 169 «О внесении изменений и дополнения в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики», позволяет констатировать, что основное направление его совершенствования состоит в усилении уголовной репрессии в целях борьбы с коррупцией.

В связи с этим, следует отметить, что с помощью уголовно-процессуального закона предпринимаются попытки решить определенную острую социальную проблему общества. С одной стороны, такие деяния, как должностные преступления действительно подрывают доверие граждан к власти, и тем самым подрывают устои государства. С другой стороны — вызывает сомнение, что невозможность применения института освобождения от уголовной ответственности по не реабилитирующим основаниям в отношении виновных лиц - государственных и муниципальных служащих, решит проблему коррупции в Кыргызстане. В любом случае избирательность в

---

¹ **Статья 281. Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств**

(1) Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств лицом, управляющим транспортным средством, причинившее потерпевшему менее тяжкий вред здоровью, -

наказывается штрафом в размере до ста расчетных показателей или исправительными работами на срок до двух лет, или лишением свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

(2) То же деяние, повлекшее смерть потерпевшего или причинение тяжкого вреда его здоровью, наказывается ограничением свободы на срок до пяти лет или лишением свободы от двух до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью до трех лет.

(3) **Деяние, предусмотренное частью 2 настоящей статьи, повлекшее гибель нескольких лиц,** наказывается лишением свободы на срок от семи до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

отношении той или иной категории лиц при применении оспариваемой нормы, является нарушением принципа равенства всех перед законом и свидетельствует о дискриминации по признаку должностного положения.

По смыслу статьи 29 УПК суд, прокурор или следователь может по собственной инициативе вынести постановление о прекращении уголовного преследования в связи с утратой лицом общественной опасности. Вместе с тем, на практике прекращение уголовного преследования по этому основанию происходит только на основании ходатайства стороны защиты и только при соблюдении по уголовному делу всех без исключения условий предусмотренных статьей 65 УК, что вполне согласуется с пунктом 4 части 1 статьи 42 УПК, устанавливающей право обвиняемого, подсудимого заявлять ходатайства (при этом уголовно-процессуальный закон не ограничивает круг процессуальных действий и процессуальных решений, о проведении или принятии которых могут ходатайствовать участники уголовного судопроизводства.) Однако, из смысла оспариваемой нормы вытекает, что для лиц привлекаемых к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного статьями 303-315 УК, право заявлять ходатайство об освобождении от уголовной ответственности в связи с утратой лицом общественной опасности теряет какой-либо смысл. С этой точки зрения, оспариваемое нормативное положение косвенным образом нарушает конституционный принцип равноправия всех перед судом.

Решение Конституционной палаты обосновывается выводами о том, что специфика принципа равенства в уголовном законе состоит в его сочетании с принципами гуманизма и справедливости. Взаимообусловленное действие указанных принципов проявляется и в сущности института освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. Действительно, прекращение уголовного дела с освобождением лица виновного в совершении преступления от уголовной ответственности является в определенной степени справедливым с точки зрения, что лицо раскаялось,

исправилось и не представляет общественной опасности, что освобождение принесет более положительный результат по сравнению с применением меры наказания, а также своего рода проявлением гуманизма со стороны государства, предполагающим возможность менее сурового отношения к лицам впервые нарушившим уголовный закон, совершившим преступления, не обладающих высокой степенью опасности, не причинивших тяжких последствий. Вместе с тем, государство не вправе отказываться в гуманности и справедливости лишь на основании принадлежности виновного лица к той или иной категории по служебному или должностному признаку. Следовательно, и с этой позиции оспариваемая норма является дискриминирующей (или дискриминационной) по признаку должностного и служебного положения.

В пункте первом резолютивной части Решения Конституционная палата признает нормативное положение пункта 2 части 1 статьи 29 УПК не противоречащим частям 1, 2, 3 статьи 16 Конституции в той мере, в какой оно применяется в отношении субъектов преступления являющихся государственными и муниципальными служащими, в том числе должностными лицами государственных органов и органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, а также в Вооруженных Сил Кыргызской Республики и иных воинских формированиях. Отсюда следует, что применение данного нормативного положения в иной мере, то есть в какой оно применяется к иным субъектам, не относящихся к указанной Конституционной палатой категории лиц, является неконституционной.

Более того, постановляя, что институт освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям не может применяться к субъектам преступления, являющихся государственными и муниципальными служащими, в том числе должностными лицами государственных органов и органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, а также в Вооруженных Сил Кыргызской Республики и иных воинских формированиях не принял во внимание, что указанные лица являются

субъектами не только должностных преступлений. Следовательно, чтобы не вызывать определенных затруднений у законодателя и правоприменителя в понимании и применении данного Решения, Конституционной палате следовало не определять степень применения оспариваемой нормы.

В целом, на основании вышеизложенного считаем, что оспариваемое нормативное положение противоречит части 2 статьи 16 Конституции.

Судьи:

Осконбаев Э.Ж.

Сооронкулова К.С.